

ЗДЕСЬ СКАЗКУ ДЕЛАЮТ...

Снег, крупный, сказочно-белый становился грязно-серым на асфальте. Мы шли в театр. Мы не бывали там с тех пор, как история Бура-тино перестала волновать нас до слез и кукольный мы оставили детям.

Сергей Владимирович Образцов в книге «Моя профессия» возразил: «Если на маленькие кукольные плечи нельзя положить обязанность быть действительно нужным людям, какая на плечах «большого искусства», тогда я не хочу заниматься этим искусством». И если он до сих пор с успехом занимается куклами, значит, это не только детям интересно...

Хотелось заглянуть в комнату, откуда раздавались неестественно-громкие голоса. Их прерывал более спокойный, режиссерский:

— Коля, еще раз! Это же оптимистический дурак...

Сыграв «оптимистического дурака» Коля Андреев возьмет баян, чтобы сказ про необыкновенного мастера сказывался под музыку. Галя Еремеева складывает куклу, берет кусочек пенопласта — царь указ пишет, пером поскрипывает...

Идет репетиция сказки «Два мастера». В маленьком пространстве работают актеры, куклы водят, декорации меняют, «шумы» создают. Ширмы пока нет, поэтому оба плана — человеческий и кукольный как бы в разрезе представлены. По соседству тоже сказку репетируют. Дверь была открыта, долго стоял маляр с ведром, смотрел, пока не закрыли. Не будем описывать, что делается на репетиции. Пусть это останется тайной театра, в котором сказку делают, живую, красочную, с чудесами! Она здесь постоянно прописана: старинная и современная, русская в чувашская, сатирическая, героическая, бытовая. Много их поставил театр за тридцать лет существования.

Чувашский кукольный возник на двенадцать лет позже образцовского из «обязанности быть нужным» в первую очередь детям, голодным, измученным войной: в 1944 году начинали. На вопрос: с чего начинается театр? — закономерно ответить: с энтузиазма. Григорий Алексеевич Морев, Сергей Макарович Мерзляков (из Москвы приехал) — первые энтузиасты, организаторы. На этом «топливе» работают все: от начинающей Нади Алферовой до заслуженного артиста Чувашской республики Михаила Алексеевича Алексева. Когда новичков строго и честно предупреждают насчет трудностей, значит, им предлагают быть танями же, трудностей масса, видимых и невидимых. Например:

— Ладушки, ладушки, где были?
— В Канаше, в Шумерле, в Алатыре...
«Ладушки», молодежная

группа, только, приехали и снова в путь. Все время в разбегах: театр не имеет стационара. «Наша публика — вся республика!» — воскликнул один актер. В подтексте этого созвучия и доля горечи: непрерывные разъезды сказываются на качестве спектаклей.

Театр открыт поискам: ищет новый драматургический материал, ищет средства выразительности, пытаются обновить старое. Есть режиссер, который нужен именно такому театру: образованный, мыслящий, с бережным отношением к национальной теме и интересными идеями. Имя должно быть знакомо: Татьяна Григорьевна Морева.

Интересно, как выйдет у них «Снегурочка» Островского?

...В перерыве куклы тоже отдыхают. Мирно лежат рядышком Баба-Яга и Краса Ненаглядная, зверье всякое. Мертвые куклы, из папье-маше сделаны, с механизмом для открывания рта и тросточками для рук — двигаются, отсюда название: тростевые. Чтобы «оживить», надо умело взять их в руки. И тогда царь заискивающие поглядывает на красавицу, разбойник с уморительным оскалом подносит к гоуди руку, а захочет — потрещлет Семена Григорьевича по плечу или взьерошуд ему волосы, если актер сам захочет.

Можно ли судить о мастерстве вождения куклы непосредственно впечатлению: как живая! Такая кукла у Елизаветы Егоровны Орловой — с неподвижным лицом, но — пластической красотой движений и разно-

образно... **пantomимическим** голосом...

Специфика театра такова, что в одном спектакле один актер может исполнять несколько ролей. Если бы нам не сказали, каких кукол водит Люба Маркова в спектакле «Кай, кай Ивана!», мы бы сами не узнали. На фестивале кукольных театров городов Поволжья за удачное исполнение разноплановых ролей Любу Маркову отметили грамотой, а театр — специальным призом за лучший национальный спектакль. Кстати, пьеса Н. Айзмана — «взрослая», полнометражная, шла в драматическом. В кукольном интерпретации взрослые смотрят ее с несменяемым интересом, чем дети.

Ребенок — главный зритель кукольного театра, чуткий и чувствительный к несовершенству. Не зря самые маленькие дети предпочитают тростевым куклам — перчаточные: тросточка мешает верить в реальность совершаемого у них на глазах. Не зря кукольный мастер в «Сказках старого Арбата» боится детей: не удалось создать для них прекрасных кукол.

Спросим у кукольного ветерана Семена Григорьевича Григорьева: а ему страшно ведомо?

— Бывает. Взрослому не понравится — поворчит или промолчит, а ребенок язык покажет. Легче?

Чей-то объектив застал Семена Григорьевича среди детей. Только повесил афишу, и сразу набегали: сказка приехала! Долго и любовно ее создавали в театре.

Г. САТТАРОВА.

Вдали от людей, ревниво охраняемая природой, живет Краса Ненаглядная. И не ведает, что ищет ее по белу свету Иван-царевич...

Персонажей пьесы Е. Сперанского «Краса Ненаглядная» видит на этом снимке: разбойник Кремень — артист С. Григорьев, Краса Ненаглядная — артистка Ю. Иванова, Царь — заслуженный артист ЧАССР М. Алексеев. Фото В. Шемарова.